

Анатолий Домбровский

МЕТЕЛЬ

Рассказ

Вспоминаю зиму 1947 года. За окнами гудела метель. И потому все мы, хотя по расписанию у нас был урок физкультуры, сидели в классе. А на улице была такая погода, когда, как говорится, хороший хозяин собаку из дому не выгонит. Конечно, мы разбежались бы по домам, несмотря на метель, только бы учителя разрешили. Тем более, что урок был последний. К тому же всем уже хотелось есть. Но был приказ директора: никого не отпускать, пока за нами не придут родители. А чтобы не скучали все это время, учителям предложено было провести с нами какие-нибудь беседы или почитать книжку – одним словом, занять нас чем-нибудь полезным. Мы-то, конечно, по-своему поняли этот приказ, потому что скучать в любом случае не собирались. Останься мы одни, непременно нашлось бы развлечение по душе. Возможно, оно не понравилось бы директору, но зато мы не были бы в обиде.

Итак, мы сидели в классе. Занимать нас выпало на долю преподавателю физкультуры. Не помню точно, но, думается мне, что было ему лет двадцать пять – двадцать семь. В ту пору он ходил еще в солдатской форме: недавно демобилизовался в чине сержанта, и никакими педагогическими навыками, следовательно, не владел и вообще впервые должен был общаться с мальчишками и девчонками тринадцати–четырнадцати лет. На занятиях он еще как-то командовал нами, приказывал бегать и прыгать, бегал и прыгал сам, а вот проводить с классом беседу ему прежде не доводилось. И то, что она должна была длиться не минуты, а часы – когда еще эта проклятая метель утихнет! – сразу же настроило его на мрачный лад. Он растерялся, разозлился на самого себя, на метель и на нас и несколько минут просидел за столом, покрикивая то на одного, то на другого ученика, требуя тишины. Потом спросил, есть ли у кого-нибудь из нас какая-нибудь интересная книжка, чтобы почитать ее вслух. Книжки не оказалось, хотя я не уверен, что это была правда.

– Может, споем? - спросил он.

– Споем! - заорали мы и дружно спели "Полюшко-поле", неистово отстукивая карандашами и ручками на крышках парт цокот копыт целого кавалерийского эскадрона.

Потом спели в том же сопровождении "Тачанку".

– Хватит! - сказал демобилизованный сержант, и лицо его стало еще мрачнее. – Теперь расскажу вам сказку. Кто не хочет слушать, пусть выйдет...

Никто не вышел. Сказки мы любили. С задних парт пересели поближе к учительскому столу, погалдели немного, усаживаясь. Наконец, наступила минута общей тишины.

Сержант начал рассказывать. Всю сказку я теперь не помню, а прочесть ее мне не довелось. Это была восточная сказка, странная какая-то, очень мудрая и страшная. Вся она была построена на том, что нищему, умирающему от голода, некий человек вместо денег, – а именно деньги были так нужны несчастному бродяге, – в качестве милостыни высказал три истины. Сначала нищий

разозлился на человека, но потом, следуя его советам в жизни, стал очень богатым и счастливым правителем огромной страны. Вот эти три истины, или, если угодно, три совета: «Не спрашивай о том, что тебя не касается», "Красиво то, что нравится тебе", "Сначала подумай, потом совершай".

– Первым советом нищий воспользовался, попав однажды во дворец некоего властелина, рассказывал сержант. – Идя за властелином, в одном из залов дворца он увидел золотую клетку, в которую была заключена молодая и очень красивая женщина. Перед женщиной на блюде лежал кусок сырого мяса. Властелин остановился у клетки и взглянул на нищего. Он ждал, что тот задаст ему вопрос: почему женщина посажена в клетку? Но нищий не открыл рта, словно увиденное его ничем не поразило. Он был первым человеком, поступившим так. И это не удивительно – ведь он вспомнил совет мудреца: "Не спрашивай о том, что тебя не касается". Это понравилось властелину, и он щедро одарил нищего. Вторым советом он воспользовался в пустыне, идя вместе с караваном, груженным шелками и благовониями. Всех мучила жажда - людей и верблюдов. И вот, наконец, спасение – долгожданный колодец. Но каков же был ужас караванщиков, когда те увидели, что вокруг колодца в бесчисленном множестве лежат черепа и кости людей и животных. Однако жажда была сильнее страха. Опустили в колодец ведро – оно плюхнулось в воду, но вытащить его обратно из колодца не удалось: кто-то, сидящий в колодце, перерезал веревку. Опустили другое ведро, но и это осталось в колодце. Так повторялось всякий раз. Тогда наш герой решил спуститься в колодец сам. И вот, едва его ноги коснулись воды, из ниши в стенке колодца высунулась могучая волосатая рука и схватила веревку. В следующую минуту наш он оказался в подземном зале перед двенадцатью очаровательными девушками, за его спиной возвышался подземный властелин, который спросил: "Скажи мне, какая из девушек самая красивая?". Последовал ответ: "Красива та, что нравится тебе". Подземный властелин был доволен этим ответом: мнение тех, кто побывал у него здесь прежде, не совпадало с мнением самолюбивого властелина. В награду за такой ответ он также щедро одарил гостя: разрешил взять воды из колодца и указал путь в город, где тот смог затем за баснословную цену продать свои шелка и благовония. Об этом узнал местный властелин и решил ограбить его, когда тот выедет за городские ворота с мешками золота. Поскакал за ним на коне, быстро настиг, занес над ним меч, но услышав его слова: "Сначала подумай, о властелин, потом совершай!" опустил руку. Вглядевшись внимательнее в лицо нашего героя, он узнал в нем родного брата. В конце сказки властелин умирает, а его брат занимает освободившийся трон, говоря при этом: "Истина дороже денег".

Надо ли объяснять, почему в том возрасте мы склонны были принять советы сказочного мудреца за чистую монету и немедленно следовать им в жизни...

...Между тем метель все не унималась. В окнах дребезжали стекла. Надвигались сумерки. Ребятам в классе становилось все меньше: приходили родители, уводили своих детей, а вместе с ними отправлялись и те, кому было с ними по пути. Наконец нас осталось только трое: я, еще мальчик и девочка, жившие в соседнем селе, в четырех километрах от школы. Мой друг Ваня, с которым мы квартировали в Раздольном у бабки Дарьюшки, в тот день в школу не пошел: у него заболело горло. – Оставшегося в классе мальчика звали Колей, девочку – Ниной и еще Перепелочкой, потому что она была веснушчатая.

- Что будем делать? – спросил сержант.
- Пусть она переночует у нас, – сказал я. – у бабки Дарьюшки.
- Отлично! – обрадовался сержант. – Я вас провожу.

Из школы вышли, тесно держась друг за друга, сжав пальцами концы воротников пальто на носу, и зашагали в другой конец села. Метель была злая, колючая, с морозом. И если бы не огни в окнах, тускло просвечивавших сквозь пелену истертого в порошок снега, было бы трудно сориентироваться в этой дьявольской коловерти. У порога дома бабки Дарьюшки сержант с нами попрощался и растворился во тьме.

Оказавшись в темных сенях мы принялись, топая ногами, стряхивать, а затем обметать веником снег с ботинок. Тут вышел Ваня с обмотанной шарфом шеей.

- А! – сказал он. – Я думал, что вас замело.
- Бабка где? – спросил я.
- В коровнике, корову доит.
- У тебя температура?
- Есть немного, – ответил Ваня. – Скорее раздевайтесь. Чай, наверное, еще горячий.

Пили чай, болтали о школьных делах. А потом Коля вдруг сказал:

- Ну ладно, погостили – и хватит. Мы с Перепелочкой пойдем, а то дома без нас никто не заснет.
- Глупости! – оценил Колино решение Ваня.

За ним поднялась и Перепелочка.

- А если замерзнете? – спросил Ваня. – Холодина ведь.
- Не спрашивай о том, что тебя не касается, – ответил гордо словами сказочного мудреца Коля. – Понял?
- Как это не касается? – возмутился Ваня. – Несет тут какую-то ерунду и думает, что это красиво.
- Красиво то, что нравится мне! Соображаешь? – глаза у Коли торжествующе засветились.
- А ты что молчишь? – набросился на меня Ваня.

– Не спрашивай о том, что тебя не касается, – ответил я и такую ощутил в мыслях ясность, возвышенность, что не мог не усмехнуться снисходительно, словно

недосягаемый сидел на троне. – Мне нравится его смелое решение, – сказал я о Коле, хотя не о нем и Перепелочке, не о том, что их ждет в дороге, думал я, а лишь о том, что следую мудрой истине. – Как ты можешь говорить о том, плохо или хорошо он поступает? Красиво то, что нравится ему!

– Ну и пусть катятся! - обиделся Ваня, отвернулся и замолчал.

– Пока! – сказала Перепелочка.

– Пока! - сказал Коля.

– Счастливо! – ответил я.

Они вышли. С минуту Ваня сидел в прежней позе, потом взглянул на меня исподлобья, молча встал и бросился из комнаты.

– Куда ты? - только и успел крикнуть я.

В сенях хлопнула дверь. Пока я размышлял, надо ли мне бежать за Ваней, он вернулся, таща за руку упирающуюся Перепелочку.

– Держи ее! - приказал он мне.

– Не выпускай! – и снова убежал.

На этот раз он вернулся не так скоро. Я ожидал, что Колю, как и Перепелочку, ему придется втаскивать в дом силой. Но случилось совсем иначе: Коля ввел в комнату Ваню, держа его за плечи, испуганный, сникший. Губы у Вани были белые. В волосах, упавших на глаза, блестел снег.

– Он совсем больной, – сказал Коля. Его надо уложить в постель.

Пришла из коровника бабка Дарьюшка. Увидев, что Ваня лежит на кровати в ботинках, засуетилась, заохала, принялась поить его горячим молоком с содой. А мы сидели, опустив головы, и молчали.

К утру метель улеглась. Я, Коля и Перепелочка собрались идти в школу. Ваня лежал под одеялом и смотрел, как мы одевались, укладывали в портфели книги. Нам надо было сказать ему что-нибудь, но ни у кого не нашлось нужных слов: мы чувствовали себя очень виноватыми перед ним. Так и вышли из дому, не обмолвившись с ним ни словом.

– Ох ты! Я, кажется, забыл ручку, – сказал я, когда мы были уже во дворе. Вернулся, вошел в комнату.

– Ваня... – сказал я виновато, стоя у его постели и не зная, что сказать дальше. – Ладно! – улыбнулся он. – Мне уже лучше.

– Ты...

– Я же сказал: ладно! – он махнул рукой. – Иди, а то опоздаешь...

Позже мы вспоминали о той злополучной ночи.

– Получилось у вас как в сказке, которая называется "Что ни делает дурак, все он делает не так", – сказал тогда Ваня. – Помнишь, встретив похоронную процессию, дурак кричал: "Таскать вам, не перетаскать!". Кстати, почему вы тогда не вспомнили о третьем совете мудреца: "Сначала подумай, потом совершай"? А ведь он – единственный из трех, который надо было тогда принять.

– Так ведь надо было думать... - ответил я.